

Глава 12. Иллюзия

Сяо Чэньюй заметил, что в последнее время Ван Чи почти перестал выходить из дома.

Раньше, когда он просыпался, Вана Чи уже не было — тот всегда уходил рано.

Но в последние дни, с тех пор как Сяо Чэньюй вернулся, каждое утро, едва он открывал глаза, видел: Ван Чи спит рядом, стоит только руку протянуть и его можно коснуться.

Поэтому первым делом после пробуждения он осторожно, почти украдкой, касался его плеча или щеки, пока тот ещё спал. А как только замечал, что ресницы Ван Чи начинают подрагивать, поспешно переворачивался и делал вид, будто давно мирно дремлет.

Когда Ван Чи вставал, Сяо Чэньюй лениво тянулся, медлил, изображая, что только что проснулся, и, сияя улыбкой, спускался вниз завтракать вместе с ним.

Что до недавнего признания в любви — Сяо Чэньюй на нём не заикливался.

Он никогда не умел говорить намёками; тайная симпатия — точно не его стиль. Если ему кто-то нравится, тот это кто-то должен знать.

Да, Ван Чи тогда не отреагировал никак особенным образом, но ведь и не выгнал его из дома.

Более того — теперь они каждую ночь спят на одной кровати.

Всё замечательно, думал Сяо Чэньюй. Главное, что он может быть рядом, украдкой касаться его, а уж остальное... потом как-нибудь решится.

После окончания сельскохозяйственных хлопот в поле дел почти не осталось.

Ван Чи проводил всё время дома — с утра до вечера.

Сяо Чэньюй, разумеется, был счастлив: куда бы ни пошёл Ван Чи, он не отставал. Даже когда тот уходил в кабинет поработать за компьютером, Сяо Чэньюй следом забирался на диван, устраивался там клубком и сидел молча.

Ван Чи уже спокойно относился к появлению «маленького хвостика» у себя за спиной.

В конце концов, Сяо Чэньюй ведь признался, что любит его, а теперь просто продолжал настойчиво ухаживать.

По крайней мере, Ван Чи так это понимал.

Иначе как объяснить, что даже в полдень, когда солнце жгло беспощадно, Сяо Чэньюй по собственной воле шёл с ним на огород за домом, собирал овощи, обливался потом, но не жаловался ни словом, только послушно нёс корзину?

Ван Чи не снимал рубашку — ничего особенно привлекательного там не было.

Ещё недавно Сяо Чэньюй наверняка бы закапризничал, попросил вернуться домой.

Овощи росли на глазах: плети взбирались по шпалерам, а под листьями звенели тяжёлые плоды — огурцы, помидоры, люффа. Всё благоухало свежестью и солнцем.

Ван Чи сорвал спелый помидор, обернулся и увидел Сяо Чэньюя.

Тот, присев в тени шпалеры, держал корзину и, вытирая пот со лба, с интересом рассматривал растущие в грядках тыквы.

Юаньбао вился у ног Сяо Чэньюя, лениво виляя хвостом.

— Слишком жарко, — сказал Ван Чи, заметив, как лицо у Сяо Чэньюя покраснело от солнца. — Возьми Юаньбао и иди домой пораньше.

— Не хочу, — упрямо ответил тот. — Я подожду тебя, пойдём вместе.

Одно это простое «вместе» странно согрело сердце Ван Чи.

Он ускорился, хотел поскорее закончить, чтобы не мучить его на жаре. А когда собрал всё, что нужно к обеду, отобрал у Сяо Чэньюя корзину и сказал:

— Пойдём домой.

Но Сяо Чэньюй не двинулся с места, только протянул к нему ладонь.

— Что тебе? — Ван Чи наклонился над корзиной, думая, что тот хочет огурец или помидор.

— Зарплату, — серьёзно сказал Сяо Чэньюй. — Сто юаней.

Ван Чи замер, потом усмехнулся:

— За что тебе платить, интересно?

— Как за что? — не смутился тот. — Я ведь нёс за тебя корзину!

И тут Ван Чи понял, почему тот так рвался с ним на огород.

— А прошлые сто юаней где? — спросил он.

— Потратил. Всё на холодные напитки, — с тем же непоколебимым видом ответил Сяо Чэньюй.

— ...

Ну и ладно.

Ван Чи снова протянул ему корзину:

— Тогда неси домой.

Сяо Чэньюй помялся, не торопясь её брать.

— А зарплата?

— Да, как придём, — пообещал Ван Чи.

— Вот теперь другое дело, — довольно сказал Сяо Чэньюй и, обрадованный, послушно зашагал за ним, держа корзину.

Жара стояла изнуряющая, воздух дрожал, земля от солнца затвердела — ступаешь, будто по

камню.

Через несколько шагов Сяо Чэньюй уже весь вспотел, останавливался, чтобы вытереть лоб, дышал тяжело, громче, чем Юаньбао.

В конце концов Ван Чи не выдержал, вернулся и выхватил корзину из его рук.

Теперь, с пустыми руками, Сяо Чэньюй тут же расплылся в улыбке:

— Брат, ты такой хороший.

Ван Чи глядел на его приподнятые уголки губ и подумал, что улыбается он гораздо красивее, чем плачет.

Лучше бы больше не плакал...

После полудня Ван Чи пошёл в лавку к Ван Синьлэю, чтобы помочь с приготовлениями к свадьбе.

Сяо Чэньюй изначально собирался пойти вместе с Ван Чи просто ради компании, но на полпути столкнулся с Шэн Цанем и Лян Юэ. Тогда он вдруг передумал: бросил Ван Чи и отправился играть с ребятами.

Начались летние каникулы. Дети из деревенской школы уже давно были свободны и целыми днями бегали гурьбой, придумывая себе забавы.

Хотя Сяо Чэньюй был заметно старше этой ватаги школьников, они неожиданно быстро нашли общий язык и вскоре уже играли как старые друзья.

Через стеклянную дверь деревенской лавки Ван Чи видел, как Сяо Чэньюй, возглавляя стайку ребятишек, пробегает мимо — потом возвращается с другой стороны, снова пробегает мимо и снова исчезает.

Так и продолжалось: туда-сюда, но в лавку он так и не заходил.

Что они там придумали, что так весело? — Ван Чи держал в руках воздушный шар и пытался не смотреть на дверь, но взгляд всё равно то и дело ускользал наружу.

Наконец Ван Синьлэй не выдержал и высунулся из-за прилавка:

— Кто там? Что ты всё выглядываешь?

Ван Чи мягко оттолкнул его обратно:

— Никого. Так, погоду смотрю.

А ведь день с самого утра стоял ясный, ни малейшего намёка на дождь.

Ван Синьлэй с подозрением покосился на двоюродного брата. Казалось, в последнее время тот стал каким-то странным.

Когда солнце клонилось к закату, Ван Чи один отправился домой.

Но прошёл он совсем немного, как вдруг из ниоткуда выскочил Сяо Чэньюй и воскликнул:

— Руку давай! Подарок тебе!

Ван Чи послушно протянул ладонь, и Сяо Чэньюй обвил его запястье браслетом, сплетённым из крылаток клёна-ясеня.

Закрепив узелок, он поднял руку и показал:

— Смотри, у меня такой же!

«Вот оно, — мелькнуло у Ван Чи. — Тот самый “парный браслет”, о котором всё время хвастался Ван Синьлэй?»

Сяо Чэньюй, надо признать, умел ухаживать... ещё и подарки дарил.

Глядя на одинаковые браслеты, Ван Чи вдруг подумал, что эти обыкновенные крылатки, которые раньше он даже не замечал, на удивление милы. Он протянул руку, снял с волос Сяо Чэньюя застрявший листочек и улыбнулся:

— С чего вдруг решил подарить мне это...

Не успел он договорить, как позади раздался хохот — мимо пробежала стайка детей.

Ван Чи обернулся и сразу заметил: у каждого ребёнка на запястье сверкал точно такой же браслет из клёна-ясеня.

Вот оно что... Никакая это не «парная вещь». Просто у всех браслеты одинаковые, а ему достался заодно.

Дети, пробегая мимо, махали Сяо Чэньюй рукой, прощались, договаривались, когда снова соберутся поиграть, — он уже стал для них чем-то вроде нового «вожака».

Сяо Чэньюй каждому отвечал по имени — всего за один день он успел запомнить всех этих ребят.

Когда дети разошлись по домам, Сяо Чэньюй повернулся к нему:

— Что ты там хотел спросить? Не расслышал.

Вопрос, заданный минутой раньше, теперь утратил всякий смысл. Ван Чи неловко сменил тему:

— Хорошо сегодня поиграли?

— Конечно, хорошо! — оживился Сяо Чэньюй.

И с воодушевлением принялся рассказывать, на какие деревья он сегодня залезал, чью собаку встретил по дороге, как один мальчишка угодил прямо в рисовое поле и, весь в грязи, заставил всех покатиться со смеху.

Ван Чи слушал молча. Мужчина посмотрел на сияющее лицо Сяо Чэньюя и подумал:

Ладно... главное, что он счастлив.